

ИННА ЖИВЕТЬЕВА

ТРИДЦАТЬ

СЕДЬМОЕ

ПОЛНО
ЛУНИЕ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж66

Оформление серии *Е. Куликовой*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Литературное редактирование *Н. Витько*

Живетьева, Инна Александровна.
Ж66 Тридцать седьмое полнолуние / Инна Живетьева. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-156587-9

Проклятые существуют.

В этом мире они во власти Управления регистрации и контроля. Там решают, может ли человек сдерживать проклятие. Если нет – он виновен? В какой мере? Ответ определен законом, но не всех он устраивает.

Общество разделилось: одни считают — без прямого умысла нет вины, другие — проклятых нужно уничтожать. Шанс снять проклятие настолько мал, что не стоит принимать его в расчет.

Ситуацию необходимо изменить, и большая игра началась. В ней каждому отведена роль. В том числе и Нику – мальчишке из интерната, блестяще образованному беспамятному Немому. Во время Арфского мятежа Ник потерял родителей, научился убивать и увидел, что оборотень может сделать с человеком. Так каково его место в этой игре?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156587-9

© Живетьева И.А., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Содержание

Вступление	5
------------------	---

I

Глава 1	15
Глава 2	44
Глава 3	71
Глава 4	91
Глава 5	106
Глава 6	125
Глава 7	145

II

Глава 8	162
Глава 9	187
Глава 10	211

ЖИВЕТЬЕВА ИННА

Глава 11.....	228
Глава 12.....	251
Глава 13.....	268
Глава 14.....	295

III

Глава 15.....	323
Глава 16.....	343
Глава 17.....	359
Глава 18.....	386
Глава 19.....	412
Глава 20.....	429
Глава 21.....	449

Вступление

За лесом прогудела электричка, последняя, на двадцать три сорок.

По углям промелькнули красные язычки, и Фаддейка, озабоченно хмуря брови, откатил подальше крупную головню. Потыкал в костер палкой.

— Рано еще, — остановил его отец.

Фаддейка все-таки покрутил носом, прежде чем убрать палку.

Откашлялся дед, недовольный, что перебили.

— Ну вот, стали замечать, что одна сестра желтеет и тощает, а другая будто кровью с молоком наливается. Главное, как полнолуние пройдет, еще краше становится.

— Оборотень, — припечатал Фаддейка.

— Не, ведьма, — протянул Семен с другой стороны костра.

Вейка, пожившись, оглянулся через плечо. Черная степь упиралась в густой частокол леса, и над деревьями висела луна, надутая и крутобокая. Стреноженные лошади бродили в высокой траве, то исчезая в тени, то появляясь. Махнула беззвучно птица в густо-синем небе, и кто-то позвал ее из рощицы: «Уху, уху». Противным таким голосом.

Фаддейка толкнул в бок:

— Дрейфишь?

— Вот еще! — фыркнул Вейка, не желая признавать, что заохлодело под ложечкой. Ведь это про здешние места дед Назар рассказывал, как все на самом деле было.

— Младшая, даром что тощая, зато характером золотая. Ну и запал на нее Арсений, на старшую-раскрасавицу даже не глянул. Повел невесту по знахаркам. Те воск лили, в темечко дули, да все без толку. Родители Арсения, ясно, отговаривали: детей не родит и работница плохая — по жаре задыхается, по морозу простужается. Неизвестно, сладились бы у них или нет, но кто-то надоумил: старшую извести надо. Она, ведьма, из сестры жизнь тянет.

— Правильно, — солидно подтвердил Семка. — Вон в позапрошлом годе, помните...

Дед кхекнул, пошевелил седыми бровями, и парень заткнулся.

— Арсений грех на душу взять побоялся: ведьма или нет, клейма на ней не стоит, да и невеста как бы потом на него смотрела? На убийцу родной сестры-то? Вот и задумал он отыскать Псов.

— Зачем? — удивился Семка. — Если в силу вошла, все уже, поздно.

— Так Псов же, бестолочь, не л-рея. Чтобы они подтверждали. Тогда ведьму деревенский сход порешит, как положено.

Вейка снова оглянулся. Каурый жеребец вышел из тени и тряхнул головой. Почудилось на миг — сидит у него на спине кто-то в черном. Даже морозом продрало.

— Во дурак! — шепнул Фаддейка. — С Псами говорить, а?

— Уехал Арсений. А в поселке все хуже: то скотина падет, то птица со дворов пропадать начнет, то собаки взбесятся. По весне же здесь, у реки, — дед Назар ткнул корявым пальцем на другой берег, — как оттаяло, нашли мертвяков. Двое парней, из пришлых. У одного горло порвато, а другой вовсе без головы. Отгрызена.

— Ну уж, сразу отгрызена! — усомнился Семка. — Разбойники постарались. Лихие тут места были.

Дед Назар усмехнулся.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— А ты сплавай на ту сторону, как раз ночка подходящая, лунная. Постой на бережку возле ивняка. Только штаны не замарай. Подойдет к тебе навь, холодом повеет, тленом запахнет. Подойдет и начнет твою голову щупать, проверять, его аль чужая.

Вейка поглубже втянулся в штормовку — прикосновение ветра к затылку показалось ледяным, точно потрогал кто мертвыми пальцами.

— Вон у бабки Егорьи сводная сестра была. С женатым закрутила, а по сеновалам прятаться боялась, выследят. Ну, и придумала на том бережку встретиться, мол, никто не помешает. — Дед запыхал в усы, так он смеялся. — К следующему вечеру нашли ее. В лесу под кустом сидела. На всю жизнь дурочкой осталась. Ну как, поплывешь?

Семен шмыгнул носом.

— Делать мне нечего.

— Тогда замолкни. Ну вот, а в ту же весну, как начала старостиха огород копать, нашла в нем череп. Чистенький, вываренный, и внутри змея дохлая. Увидела, да как замычит! Через неделю ребеночка скинула. Староста и примолк. А ведь хотел уже сход собирать.

— Точно ведьма, — припечатал Семка.

— На следующее лето вернулся Арсений. Немножко опоздал: невесту его как раз схоронили. Пока гроб в церкви стоял, мертвой лицо платочком прикрывали. Родители говорили, мол, сомлела девка на покосе, упала неудачно и распласталась об лезвие. Конечно, нашлись любопытные, сунулись, а у той глаз нету.

У костра помолчали. Вейка хотел снова посмотреть за спину, но не решился.

— Псов-то парень нашел?

— Про то рассказать не успел, сгинул. А ведьма, как Арсений пропал, только пуще силу взяла, никто ей перечить не смел.

Фаддейкин отец выкатил из углей картофелину, стукнул пальцем по черной шкурке.

— Дошла? — спросил дед Назар.

— Чуток еще.

— Ну, доскажу. Полгода минуло, вряд ли больше, и приехали в поселок Псы. Жеребцы высокие, откормленные. А всадники бледные с глазами ледяными. Вроде и на людей похожи, а все одно — нежить. И не навь они, и не призраки, и не души неупокоенные, и не умертвия, а то, чему названия нету. Первым ехал статный, весь в черном, только пояс серебром проклепан, а на поясе меч, какими наши прапрапрадеды воевали. Перед таким захочешь не захочешь, а шапку снимешь. По правую его руку держался парень неприметный, одетый простенько. По лицу вроде молод, но седина в волосах. Захлопали ставни, попрятался народ, и только одна женщина стала у Псов на дороге. Мать Арсения. А как подъехали Псы, глянула она и упала в беспамятстве.

Дед замолчал, и Фаддейка недовольно завозился.

— Говорили потом: мало ли что с горя почудится. Да только никогда она больше в церкви за сына своего свечку не ставила. Ни за здравие, ни за упокой.

— Ну а ведьма?

— А что ведьма? Видели люди, как шла она меж Псов к полю, да не своей волей шла, а точно на канате ее тащили — за горло хваталась и хрипела. Что уж там было, никто не знает. Остался круг в траве вытоптан, а в кругу том тело. Видно, сильно корежило ведьму перед смертью: зубы оскалены, пальцы в кровь ободраны. Там на опушке ее и прикопали. — Дед повел рукой в сторону далекого леса.

— Нет там никакой могилы, — решил возразить Семка.

— Конечно, нет, ее сразу с землей сровняли. На следующий год травой заросла, не найдешь. Вроде и кончи-

лось все, а зарок с тех пор в поселке: мальчиков Арсениями не называть.

Фаддейкин отец потянулся к костру и начал выкатывать клубни.

— Дед, — спросил Семка, — а ты сам-то Псов видел?

— Много будешь знать... Пацаны, кто за водой?

Фаддейка противно засмеялся, показывая пальцем:

— Он не пойдет, он сдрейфил.

— Я? — рассердился Вейка, вставая.

— На косу ступай, — махнул дед Назар. — Там почище.

Стоило отойти от костра, и накрыло темнотой, только метелки ковыля серебром отливали. Вейка посмотрел на тот берег: ивняк качался под ветром, полоскал ветки. Двигались тени, а может, и правда стоял кто безголовый.

— Ерунда. Бабкины сказки, — прошептал Вейка.

Пошел к воде, нарочно громко звякая ведром.

Густая трава поредела и сменилась песком, остывшим к ночи. Мурашки побежали по ногам.

На косе было светлее — в воде отражались лунные блики. Вейка задрал голову: нависало над головой небо, тяжелое от звезд. Вот одна сорвалась и покатилась, быстро-быстро. Обмирая от страха и собственной дерзости, Вейка шевельнул губами:

— Хочу увидеть Псов!

Канула за горизонт звезда, ударилась о землю, и рябь пошла по реке, сменяя лунное отражение.

Его провели в кабинет на первом этаже. Окна выходили на внутренний двор, но все равно были зашторены и для надежности скреплены булавками. Горели лампы — очень ярко, не оставляя места теням. Пахло валерианой.

Вдоль стены стояли семеро. Матвей глянул мельком, не желая всматриваться в лица.

За спиной шуршали голоса. Резко щелкнул затвор фотоаппарата.

— Я не понял, — повернулся Матвей к сопровождающим, — что за толпа? Господин офицер, достаточно вас и пары охранников. Остальных вон. Журналистов — в первую очередь.

— Я представляю муниципалитет, — веско сказал мужчина в дорогом костюме. — В мои обязанности...

— Не входит контролировать работу л-рея.

— Вы находитесь в городе...

— Который и так далее, и так далее, — скучно закончил Матвей. — Будьте любезны, закройте дверь с той стороны. Или уйду я.

У представителя муниципалитета дернулось лицо.

— Вы не можете уйти. Ваш долг и ваша обязанность — приступить к работе.

— Что ж вы такие одинаковые. — Матвей отвернулся от чиновника. — Юджин, у тебя никакого журнальчика нет? Я почитаю, пока господин офицер выполняет инструкцию. И заодно объясняет, что является обеспечением исполнения предписаний.

Юджин посмотрел укоризненно.

Народу в комнате поубавилось.

Матвей еще подождал, засунув большие пальцы в карманы джинсов и покачиваясь с носков на пятки. Жарко. Хорошо бы вечером искупаться. Речку они проезжали — на песчаном берегу возились с лодкой пацаны, выше по течению виднелась заводь с мостками.

Офицер спросил подчеркнуто вежливо:

— Господин л-рей, что-нибудь еще?

— Бочку мороженого, — пробормотал Матвей. — Нет, спасибо, ничего.

Он взял ближайшего меченого за руку. Кожа холодная и влажная, как у лягушки. Всего-то погодник, слабенький,

а трясется, точно завтра же ликвидация. Матвей брезгливо вытер пальцы о джинсы.

Следующий. Только считал печать, и покати́лся колючий шарик вдоль позвоночника. «Как же они меня достали!» — с тоской подумал Матвей. Ну, конечно, скоро завершится инициация. Слюна во рту стала кисловатой, с металлическим привкусом крови.

— Матвей, — вдруг прошептал парень. — Ты меня помнишь?

Старая уловка: спаси меня, я твой брат — сын племянницы троюродного дяди. Матвей скользнул небрежным взглядом по лицу и шагнул дальше.

— Вейка!

Удивленный, Матвей остановился. Снова повернулся к проклятому. Его сверстник, крепкий, широкоплечий. Жесткие волосы торчат ежиком. Приплюснутый нос. На переносице белый шрам со следами скобок — знакомый.

Бывший одноклассник. Приятель. Лучший вратарь в округе Фаддей Раймиров.

— Откуда ты здесь?

— Мы переехали недавно, — зачастил Фаддей. — Отца на завод позвали, он же мастер. А так все в поселке. Тетка твоя нормально, как тебя забрали, ей дом помогли отремонтировать, и вообще.

Было странно видеть его таким. Обычно Фаддей не суется.

— Потом поговорим, — сказал Матвей и шагнул к следующему меченому.

Итак, погодник, оборотень, пара вампиров, слухач, ведьмак и зеркало. Хреново, но могло быть и хуже.

«Хочу на речку», — снова подумал Матвей. Душно. Раскалился воздух от ярких ламп.

Когда уходил, запнулся на пороге: взгляд Фаддея сверлил спину.

Сдержать обещание получилось только к ночи.

Солнце наполовину провалилось за горизонт, но в управлении по-прежнему невозможно было дышать. Лопасты вентиляторов без толку гоняли горячие потоки. Здесь же, в тупике, воздух и вовсе казался густым, хоть жуй его. Охранник то и дело вытирал платком лысину.

— Отоприте, — приказал Матвей, останавливаясь перед дверью под шестым номером.

Подумал: лучше бы он поехал на реку, в самом деле. Зря в это ввязывается.

Щелкнул в замке ключ.

— Можете идти, — сказал Матвей раньше, чем охранник потянулся к ручке.

— Но...

— Идите, я сказал! — повысил голос.

Охранник утóпал. Наверное, будет звонить с поста и жаловаться.

Матвей открыл дверь и остановился на пороге.

— Привет.

Бывший одноклассник быстрым, гибким движением сел на кровати и моргнул — свет из коридора бил ему в лицо.

— Раньше не получилось, — объяснил Матвей. — Меня задержали... интересными разговорами.

Он прикрыл за собой дверь. Стало темно, но возникло ощущение, что его *видят*. Хлопнул ладонью по выключателю.

Фаддей уже стоял у окна и действительно смотрел пристально.

В комнате был только один стул, на него Матвей и уселся, развернув спинкой вперед и поставив кулаки на деревянную планку. Сказал утвердительно:

— Ты знаешь, кто ты.

Фаддей кивнул.

— А знаешь, чего хочет ваш муниципалитет?

— Мести.

Матвей качнул головой.

— Романтично, но неверно. Месть — это личное. А тут политика и деньги. Им нужна показательная расправа, демонстрация, что город зачистили от оборотней. Но поймали же не всех, так? Ты знаешь стаю, в одиночку инициация идет медленнее. Сдай их, и я помогу тебе.

— Поможешь?

— Сниму проклятие. Если боишься репрессий, то зря. Я не обязан ни перед кем отчитываться. Никто не узнает, что с тобой было.

Фаддей вспрыгнул на узкий подоконник и подобрал ногу. Матвей бы в такой позе навернулся, а этот ничего, сидит.

— Мой учитель ни в чем не виноват, почему я должен сдавать его?

— У вас семнадцать убитых.

— Это сделали другие, те, кого уже поймали! А он никого не трогал! В лесах и без того хорошая охота. Лучше, чем в городе.

— Оборотень себя не контролирует.

— Неправда! Нужно просто уйти подальше, и все.

— Ну да, если там не будет грибников или туристов.

— Есть леса, в которые не заходят люди. Ты не понимаешь... Там пахнет по-другому, там все другое. Другой мир, честный: твои зубы против его зубов. Если ты сильнее, победишь. Только так, а не у кого денег больше или дружки в полиции. Там свобода! Там нечего делать людям! Пусть не приходят!

— Фаддей...

— Человек — венец творения? Слабое тело, плохая реакция, отвратительный нюх. Сидит какой-нибудь жирный в кабинете и смотрит на тебя, как на вошь. А чем он лучше? Моя стая сильнее, честнее. Вы нас убиваете, а нам нельзя защищаться?

— Фаддей!

Тот осекся. Скорчился на подоконнике, подтянув и вторую ногу.

— Интересные рассуждения. — Матвей потер запястье сквозь кожаный напульсник. От привкуса крови во рту подташнивало. — Я не понял, ты хочешь или нет, чтобы я снял проклятие?

Раймиров глянул из-под ресниц.

— Я боюсь в резервацию. В клетку. Мне тут уже... трудно, а там совсем сдохну.

— И что ты предлагаешь? Конкретно.

— Ты можешь только сделать вид? Ну, что снял, и меня отпустят!

Матвей усмехнулся. Его полтора часа прессовали члены муниципалитета, добиваясь, чтобы он выдал оборотней. Его уговаривала мать одного из погибших мальчишек — иссохшая женщина в черном платке. Ему чуть не набил морду сержант, у которого задрали дочь.

Он готов был рискнуть — взять всех, хотя при мысли об этом уже сейчас тянуло блевать. Рискнуть ради Фаддея.

Какой же он дурак!

Матвей кулаками оттолкнулся от стула.

— Вейка!

Дверь распахнулась, ударившись об стену.

— Да пошел ты! — обернулся из коридора Матвей. — Знаешь что? Ты не поедешь в резервацию. Хрен тебе, а не плановая охота на зайчишек. Я сниму проклятие. Даже если потом на неделю раньше сдохну, все равно сниму. Поживи человеком, ты, блин, венец творения! Посмотрим, как у тебя это получится.

У Фаддея подергивалась верхняя губа.

— Мстишь? За что?! Ты же сам не человек!

Матвей яростно вдавил кнопку, вызывая охранника.

Глава 1

Берег, поросший выгоревшей травой. Круто обрывается — бежишь, и камешки скользят из-под ног. Ветер набухает от влаги, хлещет по лицу, точно мокрая простыня. Раскалившаяся на солнце галька обжигает подошвы. Озеро — до самого горизонта. Волны, гривастые от пены...

Ник тряхнул головой. Это мучило, чесалось, как подживающая рана.

За окном таял снег. Под тополями лежали ноздреватые остатки сугробов, и на них наступала черная, исходящая паром земля. Прыгала ворона, выковыривая еще не пробудившихся божьих коровок. За ажурной решеткой ограды виднелась сияющая витрина аптеки. Солнце резало глаза, и Ник отвернулся.

— Согласно лемме о внешнем угле треугольника, внешний угол треугольника больше любого его угла, с ним не смежного, — скрипел Циркуль, царапая доску мелом. Острые локти, обтянутые мундиром, резко протыкали воздух. — Из чего делаем вывод...

Ник бездумно водил ручкой по последней странице тетради. Штрихи превратились в буквы, буквы сложились в слово: «Белхе». Ерунда какая-то.

Солнце добралось до гипсового герба и высветило муху, заблудившуюся между колосьями. Полусонная, она еле перебирала лапами.

— Немой, слышь, Немой, — прошипел за спиной Грошник. — Дай физику скатать.

— Отвали.

— Ну, Немой, проверят же.

— Отвали, я сказал! Нефиг было крысятничать.

Оглянулся Циркуль, посмотрел на класс из-за блестящих стекол очков.

— Зареченский, у вас какие-то вопросы?

— Нет.

— Отвечать по форме!

Пришлось подняться.

— У меня нет вопросов, господин преподаватель, — отчеканил Ник, глядя Циркулю в лицо.

— Садитесь.

Ник со стуком опустил крышку парты. Влажные ладони оставили след на лакированном дереве. Душно. Он раздраженно повел шеей — мундирное сукно натирало. «К черту!» — подумал, расстегивая верхнюю пуговицу. Почему они должны париться в этой робе? «Детки» давно сменили зимнюю форму на облегченную.

На задней парте тихонько шелестели карты, Гвоздь с Карасем резались в «дупль». На первых рядах внимали математику, старательно переписывая формулы.

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Циркуль. Ударил мелом в доску — и над его головой вцепился в стену комочек жеваной бумаги.

Муха косо полетела к окну, заваливаясь на повороте. «Снаряд», задержавшись на мгновение в изгибе колоса, сполз с герба и шлепнулся на преподавательскую плешь.

— Кто?!

У Циркуля на щеках проступили красные пятна.

— Всем встать!

Загремело, застучало. Класс поднялся недружно — «детки» возмущенно роптали, приютские посмеивались.

Циркуль пробежался вдоль ряда, махнул «деткам»:

— Вы! Можете садиться! Остальным стоять!

— А че сразу мы? — заблажил Карась.

— Молчать!

Теперь солнце било Нику в лицо, заставляя жмуриться. Боль нарастала медленно. Казалось, в середину лба давит железный палец.

— Вы должны благословлять возможность учиться в одном из лучших заведений страны! Быть благодарными и стараться! Стараться изо всех сил хотя бы пытаться соответствовать высоким стандартам нашей гимназии. Вам дали шанс...

Когда-то Ника начинало трясти при этих словах, сейчас он слушал равнодушно.

— Зареченский! — Циркуль остановился перед ним. — Что за расхлябанность? Немедленно застегнитесь! Проявите хоть каплю уважения к учебному заведению.

«Что же он так орет? — подумал Ник. — Точно кулаком по мозгам».

Втиснул пуговицу в петлю. Воротник мундира сдавил горло.

— Ваше поведение в последнее время возмутительно. Вы распустились, Зареченский! Вы стали непозволительно дерзки! Не удивлюсь, если эта выходка...

— Моя! — перебил Ник.

Циркуль осекся. В глазах за стеклами очков — недоумение.

— Я это сделал! И что дальше? Балл по поведению снимете?

Плевать. Ну в самом деле!

— Зареченский! Немедленно извинитесь! Я жду.

Ник молча смотрел на преподавателя.

Циркуль круто развернулся. С треском открыл шкаф — закачался стоящий на нем гипсовый цилиндр. Появилась тетрадь в темно-синем переплете.

За спиной Грошик шумно втянул воздух сквозь зубы. Математик писал долго, заполняя страницу убористым почерком. Поднял голову, сверкнул на Ника очками.

— После уроков — к завучу!

Вот черт...

Ударил звонок и сразу же потонул в выплеснувшемся в коридор шуме.

— Можете идти, — разрешил Циркуль.

В рекреации гулко звучали голоса, покачивались от сквозняка шторы и флаги — гимназический и Федерации. Портреты членов сената отбрасывали на стены солнечные блики.

Ник свернул под лестницу, в старый туалет.

Окна тут были открыты, но все равно пахло дымом — вперемешку с оттаявшей землей и набухающими почками. Солнечный луч косо перерезал пол и ломался о кафельную стену. На подоконнике устроились Гвоздь с Карасем. Гвоздь курил нахально, не скрываясь. Карась прятал бычок в кулаке.

Ник расстегнул мундир и наклонился к раковине. Поймал губами струю воды, холодную, с железистым привкусом.

Боль потихоньку отпускала.

— Эй, Немой! — махнул Гвоздь.

Ник подошел и пихнул в бок Карася, чтобы подвинулся. Тоже уселся на подоконник.

За решеткой, руку протяни — достанешь, высилась кирпичная стена. По краю ее торчали медные пики в разводах патины. Из-за стены глухо доносился уличный шум.

— Че, на волю охота? — подмигнул Гвоздь.

Ник потрогал кирпич. Нагрелся на солнце.

...Теплый камень с оглаженными прибоем боками, липкие от арбузного сока пальцы...

Вот что это? Когда?

Гвоздь выкинул окурок в щель за окном.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

— А ты, Немой, к весне борзеть стал. — Голос его звучал равнодушно, но выдали глаза — блеснули злым любопытством.

— Ну и? Тебе не пофиг ли, Гвоздик?

— Пока не лезешь на мою территорию — однописсуарственно. Так что хамей, но не зарывайся. Понял?

— Вполне.

— Вот и умница. А теперь колись, на хрена концерт? Это ж не ты сделал.

— Почему? Сам говоришь, оборзел.

— Не в твоём стиле.

Ник приподнял брови, демонстрируя удивление.

— Охота за другого к Упырю идти? — не отставал Гвоздь.

— Почему за другого? У меня был выбор. Мог промолчать.

— Выбор. — Гвоздь сплюнул за окно. — Был бы у меня выбор, я бы Упыря...

Он выругался.

— Боюсь, с физиологической точки зрения это невозможно, — заметил Ник. — Хотя... *Ut desint vires, tamen est laudanda valuntas.*

— Чего? — удивился Карась.

— Пусть не хватает сил, но желание все же похвально.

Гвоздь хмыкнул.

— А не хочешь узнать, кто стрельнул? — предложил он. — Морду начистишь, все утешение.

— Не думаю, что это мне поможет.

Карась прыгнул с подоконника, повел острым носиком.

— А слышали, чего говорят? — спросил он. — Когда Упырь был маленьким вонючим Упыренком, к нему Псы приходили. Печать поставили. А л-рей снял.

— Больше слушай! Кто б его потом в гимназию пустил!

— По закону все освобожденные от проклятия... — начал Ник.

Гвоздь закашлял-заперхал.

— Ну ты даешь, Немой! У кого тот закон!

— Вот именно.

Помолчали.

Ник снова потрогал стену, но больше ничего не вспоминалось.

— Ладно, я пошел.

— Удачи, — пожелал в спину Гвоздь.

Коридоры опустели, и только из малышовой рекреации доносились голоса — там начиналась продленка. В окно было видно, как отчаливают со стоянок автомобили, унося в прохладных, кондиционированных салонах «деток».

Перед дверью Ник задержался. В отполированной табличке отразилось его лицо с сердито закушенной губой. Это же смешно — бояться завуча! Но он боится.

Одернул мундир, провел ладонью по медным пуговицам.

— Разрешите, господин Церевский?

В кабинете полумрак — шторы задернуты. Но Упырь хватило одного взгляда, чтобы засечь мундир дешевого сукна и уютскую нашивку на плече.

— Фамилия! — прозвучало резко, как хлыстом щелкнул.

— Зареченский. Восьмая параллель. Класс «бэ».

Завуч выдернул из стопки тетрадей ту, в которой писал Циркуль. Зашелестели страницы.

Громко тикали часы на стене, поблескивали стрелки. У Ника зачесалась шея, натертая жестким воротником, но он не шелохнулся.

Упырь может сделать запись в личном деле, а его обязательно просматривают на комиссии. Накапать директору приюта. Заставить отсиживать в пустом классе после